

СЛОВО

при погребеніи профессора Киевской Духовной Академіи
К. Д. Попова ¹⁾.

*„Подвизайся добрымъ подвигомъ въры,
емлися за вѣчную жизнь, въ нюже и званъ
былъ еси, и исповѣдалъ еси доброе исповѣда-
ніе предъ многими свидѣтелями“ (1 Тим.
VI, 12).*

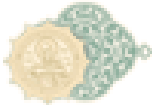
Братіе! Смерть, похищающая ежедневно изъ среды насъ живыхъ много жертвъ, производитъ на насъ сильное впечатлѣніе. Но особенно она потрясаетъ насъ, когда ея рукою внезапно исторгаются изъ нашего тѣснаго круга наши близкіе и дорогіе люди, съ которыми мы сжились, которыхъ привыкли видѣть за общимъ дѣломъ, которыхъ мы научились любить и уважать. Однако послѣ перваго остраго чувства глубокой печали о разлукѣ съ почившими начинаютъ работать наша мысль, и съ особенною тогда силою передъ нами встаютъ вѣковѣчные вопросы о жизни и смерти, о цѣли первой и о смыслѣ второй. Намъ давно, конечно, извѣстно и молча признается за несомнѣнное христіанское рѣшеніе этихъ вопросовъ, но за жизненною сутолокою и суетою мы какъ бы забываемъ или упускаемъ его изъ виду. Нами обыкновенно ставится рядъ отдѣльныхъ мелкихъ задачъ, на разрѣшеніе которыхъ мы тратимъ всѣ

¹⁾ Сказано послѣ запричастнаго стиха на заупокойной литургіи въ великой церкви Вратскаго монастыря 7 мая 1911 г.

свои силы и къ которымъ приковываемъ все свое вниманіе, и за ними для насъ какъ бы скрывается единая великая задача всей нашей жизни. Но вотъ, подобно ослабительной молніи, прорѣзывающей сумракъ тучъ, нашу повседневную жизнь прерветъ смерть близкаго человѣка и мы опять оказываемся лицомъ къ лицу съ вопросомъ о главной задачѣ нашей жизни и о наилучшемъ способѣ разрѣшенія этой задачи. Мы обращаемся тогда къ слову Божию, какъ къ свѣтильнику, сіяющему въ темной юдоли нашей земной жизни (2 Петр. I, 19), и ищемъ въ немъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ. Многія священныя слова Божественнаго Откровенія получаютъ при этомъ для насъ особенный глубокий смыслъ и значеніе. Какъ многознаменательно, напр., для христіанина, ищущаго въ словѣ Божіемъ отвѣта на вопросъ о смыслѣ своей жизни и жизни каждаго брата его по вѣрѣ, то наставленіе, какое далъ Ап. Павелъ своему возлюбленному ученику: *„подвизайся добрымъ подвигомъ вѣры, емлися за вѣчную жизнь, въ нюже и званъ былъ еси, и исповѣдалъ еси доброе исповѣданіе предъ многими свидѣтелями“* (1 Тим. VI, 12). Добрый подвигъ вѣры, какъ средство, и вѣчная жизнь, какъ цѣль,—развѣ это не вся полностью программа жизни каждаго истиннаго христіанина? Безъ подвига вѣры невозможна земная жизнь христіанина, безъ вѣчной жизни она оказывается лишенной цѣли и смысла и смерть является тогда жестокимъ концомъ всѣхъ человѣческихъ трудовъ и стараній. Но гдѣ на мѣсто вѣра и ея добрый подвигъ, тамъ не страшна смерть, ибо вѣра выводитъ за предѣлы видимаго міра и уводитъ въ міръ иной. Гдѣ упованіе вѣчной жизни и ея ощущеніе, тамъ побѣждена эта грозная сила, потому что вѣчная жизнь есть полнота жизни, при которой исчезаютъ и послѣдніе призраки смерти. Вотъ почему такъ безтрепетно шли на смерть первохристіанскіе мученики. Вотъ отчего такъ терпѣливо несли тяжесть своихъ чрезвычайныхъ подвиговъ христіанскіе аскеты первыхъ вѣковъ и

всѣ вообще истинные христіане послѣдующаго времени. Но нужно непременно предварительно пройти путь подвига вѣры и имѣть въ себѣ залогов вѣчной жизни, чтобы не быть безпомощнымъ при видѣ своей или чужой смерти. Надо, чтобы духъ вѣры одушевлялъ всѣ наши дѣла, великія и малыя, и чтобы лучи вѣчной жизни ихъ освѣщали и согрѣвали. Мы призваны къ вѣчной жизни и неразрывно связанному съ этой великой цѣлью подвигу вѣры. Подвизаться добрымъ подвигомъ вѣры это значитъ всегда и во всемъ, во всѣхъ явленіяхъ и отношеніяхъ прозрѣвать нравственную сторону, свой высшій христіанскій долгъ и неизмѣнно, не останавливаясь ни передъ какими трудностями и опасностями, его осуществлять. Держаться вѣчной жизни—это значитъ быть глубоко убѣжденнымъ въ дарованіи намъ искупительнымъ подвигомъ нашего Спасителя Бога вѣчной жизни и стремиться уже въ условіяхъ земного бытія жить содержаніемъ вѣчной жизни и постигать ея свойства. Мы должны собирать воедино тѣ часто разрозненныя впечатлѣнія и ощущенія, въ которыхъ открывается намъ иной міръ, міръ ангеловъ и святыхъ человѣковъ, царство Бога и Отца. И такъ какъ на землѣ есть только одно учрежденіе, живущее исключительно вѣчными задачами—это св. Церковь, то залогов той вѣчной жизни, къ которой мы призваны и которой, по слову Апостола, должны держаться, нигдѣ иначе не приобретаются, какъ въ Церкви. Жить жизнью Церкви—это для человѣка-христіанина, совершающаго свое земное странствованіе, и означаетъ держаться той вѣчной жизни, къ какой онъ призванъ и передъ которой ужасная смерть теряетъ свою силу.

Вотъ какой рядъ мыслей возникаетъ при видѣ гроба близкаго намъ человѣка. То же мы чувствуемъ и тѣ же мысли возникаютъ въ насъ при видѣ возвратившагося въ Академію, послѣ долгаго перерыва, но уже для того лишь, чтобы ему былъ отданъ съ нашей стороны послѣдній долгъ,

нашего дорогого почившаго Константина Димитріевича. Какъ ни тяжелъ его былъ недугъ, но мы не думали, что роковой конецъ такъ близокъ. Не думали мы, когда при-вѣтствовали его съ свѣтлымъ праздникомъ Христова Воскресенія, что не замолкнуть еще радостныя пѣснощныя этого праздника, какъ нашъ Константинъ Димитріевичъ переселится въ иной лучшій міръ. Но слезы, съ которыми почившій встрѣтилъ въ этотъ праздникъ радости своихъ друзей, показывали, что самъ онъ смутно уже чувствовалъ предстоящую разлуку съ ними. Острую, щемящую сердечную боль—вотъ что вызвала въ насъ кончина нашего дорогого и досточимаго профессора. Но когда прошло первое непосредственное впечатлѣніе отъ этой кончины, стала работать мысль, воспоминанія полились своею чередою и передъ нами предсталъ очищенный печатью смерти отъ всего наносного и временнаго образъ почившаго профессора, какъ ученаго и богослова, какъ наставника и академическаго дѣятеля, какъ членовѣка-христіанина и члена Церкви со всѣми лучшими чертами его. И мы не можемъ по долгу ученика и младшаго сослуживца, для нашего общаго назиданія и утѣшенія въ постигшей печали, хотя бы въ краткихъ словахъ, не коснуться этого образа и не указать характерныхъ чертъ личности почившаго.

Ему досталось въ удѣлъ преподавать одну изъ главныхъ и основныхъ академическихъ наукъ, посвященную изученію и истолкованію древне церковной святоотеческой письменности. Область, подлежащая его изученію, весьма обширна: это—цѣлое море. Не даромъ теперь пришли къ мысли раздѣлить трудъ по изученію этой науки между двумя преподавателями. Но онъ одинъ несъ этотъ тяжелый трудъ и понятно, что этотъ трудъ, доставляя почившему глубокое удовлетвореніе содержаніемъ изучавшихся имъ святоотеческихъ произведеній, долженъ былъ значительно ослаблять его силы. Вообще какъ ученый, почившій

стремился къ идеалу всякаго знанія: его обширности и точности. Какъ ни обширенъ былъ его предметъ, но мало въ немъ осталось уголковъ, куда бы не проникалъ онъ со своимъ научнымъ анализомъ. Читая его программы, слушая его лекціи, бесѣдуя съ нимъ по вопросамъ его науки, нельзя было не видѣть,—какой огромный запасъ знаній изъ области святоотеческой литературы онъ пріобрѣлъ за время своего профессорства. Точность постиженія предмета онъ ставилъ всегда своимъ идеаломъ и это стремленіе къ точности чувствуется во всѣхъ мельчайшихъ деталяхъ его многихъ, но цѣнныхъ произведеній и оно сказывалось въ *въ самомъ его языкѣ. Точности онъ требовалъ и отъ другихъ научныхъ работниковъ и отъ своихъ слушателей.*—Какъ богослова и ученаго въ своей спеціальной области, почившаго характеризовали двѣ черты. Прежде всего его отличало строго-церковное направленіе, взгляды на произведенія святоотеческой литературы, какъ на звенья въ золотой цѣпи священнаго преданія. Если ученаго богослова характеризуютъ предметы его частныхъ работъ, то нужно сказать, что почившій взялъ предметомъ своей послѣдней огромной работы такое тонкое и глубоко-оригинальное явленіе, какъ древне-христіанскій аскетизмъ. Это явленіе привлекало вниманіе многихъ, иногда даже свѣтскихъ лицъ, но мало есть ученыхъ, которые такъ полно и глубоко изучили это явленіе, какъ почившій. Его книга останется навсегда источникомъ темъ по аскетикѣ и настольною справочною книгою для занимающихся этимъ важнымъ предметомъ. Другое, что характеризовало почившаго, какъ богослова,—его глубокое убѣжденіе въ единствѣ и самодовлѣемости богословскаго образованія. Только крайняя необходимость, по мнѣнію почившаго, могла допускать какое-нибудь раздѣленіе богословскихъ наукъ на общеобязательныя и необязательныя и включеніе въ такую систему еще и наукъ свѣтскихъ. Эту идею онъ проводилъ и въ частныхъ

бесѣдахъ и въ официальныхъ засѣданіяхъ Предсоборнаго Присутствія и комиссіи по выработкѣ новаго академическаго устава.—Какъ преподаватель своего предмета, почившій характеризовался искреннимъ желаніемъ привлечь студентовъ къ изученію святоотеческой письменности. Для этого онъ старался давать темы, требовавшія возможно болѣе обширнаго знакомства съ святоотеческими твореніями, прибѣгалъ къ репетиціямъ, располагалъ брать предметы для курсовыхъ работъ изъ области его науки и при всякомъ случаѣ настоятельно совѣтовалъ возможно больше и лучше изучать святыхъ Отцовъ Церкви. Много студенческихъ похвалѣній прошло предъ покойнымъ. И нужно сказать, что отношеніе къ студенческой массѣ у почившаго было въ общемъ самое благожелательное. Сколь много бывшихъ воспитанниковъ нашей Академіи получили свою первую ученую степень по его рецензіямъ.—Какъ членъ академической корпораціи, Константинъ Димитріевичъ горячо стремился къ благу Академіи, какъ онъ его понималъ, и ему пришлось испытать не мало неприятностей на этой почвѣ. Онъ сильно сжился съ Академіей и его смерть совпала съ тѣмъ моментомъ въ его жизни, когда онъ собирався оставить Академію въ качествѣ ея дѣйствительнаго профессора и сдѣлаться лишь почетнымъ членомъ академической коллегіи—Какъ человѣкъ-христіанинъ, почившій имѣлъ одну рѣдкую добродѣтель: онъ не говорилъ лишнихъ и праздныхъ словъ. Но за то, когда онъ начиналъ говорить, то его несдѣшная рѣчь была очень вѣска и обдуманна и невольно привлекала къ себѣ вниманіе всѣхъ. Изучая долгіе годы святоотеческія творенія, онъ усвоилъ и языкъ ихъ и его рѣчь украшалась многими древне-церковными реченіями. Какъ членъ Церкви Христовой, почившій старался участвовать въ ея спасительныхъ таинствахъ и въ дни великихъ священныхъ воспоминаній онъ всегда бывалъ въ

этомъ святомъ храмѣ, хотя этотъ храмъ сравнительно далеко отстоялъ отъ его квартиры.

Такимъ мы знали почившаго профессора. Посему, не взирая на тѣ согрѣшенія, которыхъ, конечно, не чуждъ былъ и почившій, ибо *„нѣтъ челоуѣкъ, иже живъ будетъ и не согрѣшитъ“*, и умоляя о нихъ Судію Бога, мы однако съ дерзновеніемъ можемъ сказать, что нашъ усопшій профессоръ въ теченіе своей земной жизни исполнялъ наставленіе Апостола—подвизаться добрымъ подвигомъ вѣры и держаться вѣчной жизни, къ которой мы все призваны и вѣру въ которую мы всегда исповѣдуемъ предъ многими свидѣтелями. Вѣримъ поэтому, что, исполняя это наставленіе, онъ достигъ того, къ чему стремился, той области бытія, гдѣ нѣтъ печали и воздыханій, но есть одна безконечная жизнь. Аминь.

Иеромонахъ Анатолій.